— Он умер, — проговорила мама тихо-тихо в дальнем конце комнаты, походившей немного на коридор.

Папа сказал свое любимое: «Началось в колхозе утро!», а Митя сделал вид, что не услышал, Митя сделал вид, что не проснулся.

— Что делать будем? — спросила мама. — Может, в ванную унести?

— Пусть тут полежит.

— А Митя?

— Что Митя? Он два года у нас. Хомяки вообще столько не живут.

Свет мелькнул, дверь проскрипела. Мама, вздохнув, тоже ушла. Митя выглянул из-под одеяла, порылся под подушкой и достал фонарик. Он умел включать его тихо: чтобы никто не заметил, накрыв краснеющей рукой.

В клетке, на опилках, валялось крохотное вздутое существо — Шустрик. Он лежал на коричневом боку, сладко высунув зубки

изо рта: нос розовый, нежный, и белая кайма по лицу идет. Если долго вглядываться, может показаться, что бочок его дрыгается. Митя просунул в решетку палец, чтобы Шустрик его, как всегда, укусил. Но не кусался он теперь.

Умер? Глупо. Глупо и непонятно. Митя полез в словарь Даля — стоял на полке: красивый и много томов. (Книжки у Мити хранили почему-то.) Искал на «у». «Ум», «умаять», «умеледиться»… «Умерщвлять»? Нет, не то. Мама ведь сказала просто «умер». «Умирять», «умница», «умозренье». Бесполезная книжка! Митя сунул том обратно и вверх ногами.

«Он умер», эти странные чужие слова кружили у Мити в голове. Но тут же сменялись радостными картинками: как Митя выпускал Шустрика, а тот резво бежал, оставляя на полу дорожку из круглых какашек; как построил ему домик из книжек и газет, а Шустрик мятежно разворотил его и давай грызть провода; как купили ему родители колесо, а Шустрик не умел в нем бегать и пытался его съесть…

Пятно тихого фонарного света скользнуло повыше клетки: там висел крест и на нем человечек: мама называла эту штуку «распятие». Смешное слово. Почему-то Шустрик пах пластилином — так Мите показалось.

Митя часто беседовал с Шустриком. Больше Митя говорил — Шустрик обычно пищал (и то если сдавить слегка). Беседы не слишком клеились: Мите приходилось угадывать, что именно Шустрик от него хочет: но все равно всегда советовался с ним. Шустрик глядел на него умными голубыми глазками — и молчал. Или пищал. Или кусался.

Полоска света мелькнула под дверью. Появился отец с мусорным пакетом. У него были такие здоровые руки, что Митя их боялся.

— Ты чего не спишь? — спросил папа.

— А что с Шустриком? — Митя имел право знать.

Появилась мама, она тапканула на отца (он спрятал пакет) и погладила Митю по голове. Потом сказала:

— Иди спать, Митенька. А то завтра в школу.

Митя непослушно забрался под одеяло, и родители ушли. Но Митя не спал. Он сторожил Шустрика, чтобы никто не унес его в мусорном пакете.

На завтрак были сосиски с вермишелькой. Но Митя не очень ел. Папа выпускал дымные колечки и пил сок, а мама мыла посуду. Они опаздывали — как обычно.

— А что случилось с Шустриком? — спросил Митя.

— Он… — начал папа насмешливо, но смутился чего-то.

— Он просто устал, — сказала мама, отворачиваясь от раковины.

— От чего устал? — Митя спросил.

— От жизни! — хохотнул отец, но понял, что неудачно.

Митя уже был большой и ходил в школу сам. Ему не то чтобы нравилось там, но Митя ходил.

Мимо серого дома, лужа покрылась стеклом — хрустнуть по ней, но чтоб ног не замочило. Электробудка. Там у них летом база. Затаскивают коробку обычно и листьями маскируют. Жалко, ее дожди размывают, и надо новую затаскивать. Так. На этом дереве они сидят… Так. Здесь Лиза живет — они за ней следят… Все — ушел со двора.

Улицы мрачно перешептывались: «Он умер, он умер». Что такое «умер»? Митя недоумевал и грустил. И грустными стали охранник, ступеньки, перила и кабинет — хотя тот никогда веселым не был.

Это Шустрик научил Митю в школу ходить. «Так надо, это не страшно, — хомяк говорил безмолвно, — тут бывают смешные мальчишки и девчонки. И добрые тоже». Так Мите казалось.

Как-то раз Митя толкнул девочку на физкультуре. Она сказала ему:

— Да у тебя на лбу написано: «Лох».

А Митя ее толкнул нечаянно. Она нечаянно ударилась о стену кирпичную головой. Получилось нечаянное сотрясение мозга.

И хомяк запищал ему дома: «Митя! Это плохо! Митя! Так нельзя!»

Не сразу, но Митя извинился. Он пришел к ней в больницу с мамой и плюшевым щенком. Высокомерная девочка сделала вид, что дуется, но на самом деле ей очень понравился щенок.

— Димон, ты че не ешь-то?

Математика прошла, а он и не заметил! Сидели с пацанами в столовке. На большую перемену они приходят сюда съесть по маленькой пицце и выпить по компоту.

Неужели всегда они будут ходить так в столовку?..

— Всегда-всегда. А когда эти облака перелезу, я в космос пойду!

Это Ярик говорил. Фамилия у него такая — Яриков, а имя скучное — Антоша. Он был на два класса старше, знакомый по продленке: длинноух, длинноног. Когда проходит мимо памятника Ленину — всегда снимает шапку. Вообще, от Ярика пахло тухлыми яйцами — никто не знает почему.

— Да ладно гнать! Космос родители придумали. Там Бог за облаками сидит. И у него борода седая, — это Финн говорил. Он тоже из старших. Прозвали его Финном, потому что он любил хвастнуть своей бабушкой в Финляндии. Он всегда обжирался с героическим видом. А вообще его много били и обижали. Митя водился с лохами. Да.

— А я по бороде его полезу! — ответил Ярик и расхохотался.

Мальчишки доели и отсидели еще три урока в разных классах. Кончилось. Кто в кинотеатр намылился, кто «стрелку» смотреть. А во дворе УАЗик заброшенный стоит; Митя с Яриком и Финном — туда.

Ветер гонял листья осени, а солнышко тихо радовалось со всеми, что уроки кончились.

— Слушайте, ребят, а вы не знаете, от чего хомяк может устать? — спросил Митя, побрякивая ранцем.

— Чего? — Финн не понял.

— Ну, хомяк. Лег на бок и устал. Еще мама утром сказала: «Он умер».

— Ха-а-а! Ну, Димон, поздравляю! У тебя хомяк сдох, — Ярик хохотал.

— Как это — сдох?

Они остановились у киоска с мороженным. Денежек не хватало.

— А так это, — Ярик шмыгнул. — Все. Нет его.

Финн прогундосил:

— У меня собачка в том году тоже умерла. Я у родителей спросил, что такое смерть, а они объяснили. Я сначала плакал, а потом они сказали, что это все равно не скоро будет и вообще не со мной. А собачка в раю собачьем оказалась. И будет жить там вечно-вечно.

— Хомяков для того и покупают, чтоб смерть показать. А я с самого детства знал, что такое смерть! — Ярик крутился на фонарном столбе. И остановился. — Слушай, Димон, а его не выбросили еще?

— Да нет вроде.

— А давайте его похороним?

— Похороним? — Митя переспросил.

— Ну да, закопаем. Это весело. Пошли!

Они двинулись к Мите. По дороге Ярик — самый опытный в деле смерти — что-то рассказывал. Митя не слушал, он шел и тихо думал: и что — его тоже не будет? Он тоже умрет?? И что потом?

— Ничего! Совершенное ничего! — рассказывал Ярик.

— Но мне бабушка говорила… — Финн подобрал палку и шел с ней, как с посохом. Остальным тоже захотелось себе посохи, но они уже пришли.

Тихо-тихо вставить ключ. В подъезде эхо: Ярик с Финном болтают — палево. Провернуть. Нет. На работе все.

Ребята ввалились в квартиру. У клетки Ярик увидел распятие:

— Смех на палочке! — сказал он, снял распятие и сунул его в трусы.

— Ты че творишь! — Финн отобрал у него распятие, поцеловал зачем-то и повесил обратно. Ярик ржал и ржал.

Митю это не слишком волновало: он опять слышал запах пластилина.

— Фу! Как шумно он у вас гниет! — Ярик сказал. — Лопата есть?

Митя стал искать. Он знал, где лежат молоток, пила и отцовская опасная бритва, но лопаты у них не было.

— А ложка не пойдет? — спросил Финн неуверенно.

Они пошли в другой двор — боялись, что соседи увидят. По пути Финн нашел банку из-под пива: он наступил так, чтобы она осталась на ботинке, и, грохоча, с ней пошел.

— Без второй не то, — сказал Ярик и щелкнул пальцами (он один умел).

Шустрика несли в пенале: это Митя настоял, что хомяк не мусор.

— А копать кто будет? — спросил Митя. (Уже пришли.)

— Хозяин должен, — Ярик улыбнулся гадко-гадко.

Митя почему-то решил не спорить.

Земля подмерзла, и ложка ее не брала: только крошила — да и то как-то поверху. Митя обломал о землю все ногти и испачкал штаны (мама убьет). Но что-то он выкопал. Ярик ему сказал:

— Достаточно.

Тем временем Финн из двух палочек и жвачки сделал маленький крест. Ярик больно стукнул его палкой и выбросил поделку. А потом сказал:

— Ну. Хороним!

Митя дрожащими руками взял тушку Шустрика: она была мокрая и холодная, как будто водоросли. Морщась, он бросил ее в яму, ногой набросал земли и притоптал.

— Речи будем говорить? — спросил Финн.

— Не полагается, — сказал Ярик и трижды плюнул на могилку. Финн все-таки нашел крест и поставил его. Все трое сложили руки за спиною.

Наступила тишина: необъятная и страшная. Митя с судорожью вслушивался и вертел головой. Он опять чувствовал запах пластилина.

Почему?

Еще он чувствовал, какая холодная уже осень. Как холодно будет теперь. Как скучно и глупо в школе и дальше. Митя чувствовал, что Ярик врет, что не могло Шустрика не стать совсем. И в то же время Митя чувствовал, что Финн врет, что нет никакого хомячьего рая и доброго дедушки с голубыми глазами, что подсыпает им корм.

Митя упал на колени и поцеловал землю. Он заметил, что расплакался, заметил, что мальчики, увидев слезы, испугались, но не умел притворяться и плакал дальше. А потом — сам не заметил, как зашептал:

— Шустрик, скажи!.. Шустрик, ну скажи ты!..

Хомяк безмолвствовал.